

Раздел IV

ПЕРЕВОДЫ

АРИСТОТЕЛЬ

«О СНОВИДЕНИЯХ»
(Περὶ ἐνυπνίων)

Перевод и комментарии О. А. Чулкова

Малоизвестные работы Аристотеля, посвященные исследованию физиологии сна и видений во сне («О сновидениях» (Περὶ ἐνυπνίων), «О сне и бодрствовании» (Περὶ ὕπνου καὶ ἐγρηγόρευσης) и «О гадании по снам» (Περὶ τῆς καθ' ὕπνου μαντικῆς)), входят в корпус психологических трактатов с общим названием «Parva Naturalia». Эти произведения, по мнению большинства исследователей, относятся к раннему периоду творчества Аристотеля, поскольку в них обнаруживается значительно большее влияние платоновской философии, чем можно было бы предполагать в отношении его поздних сочинений. Такому представлению о времени написания этих трактатов явно противоречит тот факт, что в конце первой главы «О сновидениях» автор ссылается на собственное сочинение «О душе», что позволяет датировать текст вторым афинским периодом (335–322 гг. до н. э.). Но поскольку это допущение приводит к ряду историографических противоречий, упомянутая ссылка считается позднейшим дополнением к оригинальному тексту, который был написан около 350 г. до н. э.

Трактат условно разделен на три небольшие главы: в первой изложены аргументы, доказывающие, что видение снов не может быть следствием чувственного восприятия или мнения; во второй — дано «оптико-механическое» объяснение возникновения гипнотических фантазмов; в третьей рассмотрены психофизиологические аспекты феномена сновидения.

В контексте предшествующей Аристотелю античной мифопоэтической и философской традиции сон и являющиеся в нем видения рассматривались как некий божественный дар («сон от богов мне приснился»¹). Согласно «Теогонии» Гесиода, Гипнос, порожденный Никтой, является братом-близнецом Танатоса. Эта очевидная аналогия между сном и смертью прослеживается и в ранней философской традиции («Все, что мы видим наяву, — смерть; все, что во сне — сон; все, что по смерти, — жизнь»)². Иной аспект феномена сновидения, впервые тематизируемый Гераклитом, — противопоставление действительного восприятия вещей и призрачного видения их подобий: «большинство [людей] не мыслят вещи такими, какими

¹ «θεῖός μοι ἐνύπνιον ἤλθεν ὄνειπος» (Гомер. Одиссея, XIV, 495).

² Гераклит. Фр. 49 (21DK) // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 217.

© О. А. Чулков, пер., комм., 2005

встречают их и, узнав, не понимают, но воображают [во сне]». Дальнейшее развитие этой асимметричной аналогии между сном и явью связано с платоновским различием мнимого (воображаемого) и истинного знания. В качестве характерного примера такого рода метафизики сновидения достаточно привести следующее рассуждение из IV книги «Государства»: «Кто ценит красивые вещи, но не ценит красоту саму по себе и не способен следовать за тем, кто повел бы его к ее познанию, — живет ли такой человек наяву или во сне, как ты думаешь? Суди сам: грезить во сне или наяву — не значит ли считать подобие вещи не подобием, а самой вещью, на которую оно походит?» (476c)³.

В трактате «О сновидениях» речь идет не столько о метафизике, сколько о психофизиологии и «механике» сновидений. Аристотель отвергает мнение Демокрита о том, что видения во сне возникают вследствие действия неких эйдолов (образов), непрерывно истекающих от всех предметов: «Не образы и не истечения, как думает Демокрит, но движения воздуха приходят в души во время сновидений. . . и, где им случится прийти, они [по его мнению] более ощущаемы ночью вследствие того, что, днем, носясь, они более разрушаются. . . и в теле во время сна они производят ощущение. . . Эти [истечения] порождают призраки, благодаря которым предвидят будущее относительно таких [вещей]. И через них приключается это состояние тем, кому случилось это, и [даже] не самым разумным. Днем же это может возникнуть у мудрецов, если посылающим [эти призраки] был бог»⁴. Итак, вовсе не эйдолы, но некие «движения воздуха» являются источником сновидений. Необходимо заметить, что движения эти, согласно Аристотелю, постоянно (а не только во время сна) совершаются внутри живых тел. Чувственные ощущения лишь придают первоначальный импульс этим внутренним потокам, которые, сохраняя в себе более или менее адекватный образ воспринимаемого предмета, сообщают его неким «движениям воображения» (*κινήσεις φανταστικαί*), которые, в свою очередь, оказывают кинестетическое воздействие на органы чувств. Таким образом, процесс заканчивается возвращением к своему началу, что соответствует изложенной в «Физике» концепции движения.

Поскольку во сне являются прежде всего зрительные образы, античные теории сновидения ближайшим образом связаны с соответствующими концепциями обыденного (бодрствующего) зрения. Поэтому необходимо учесть следующие особенности аристотелевской оптики.

Во-первых, источником оптических иллюзий, согласно Аристотелю, является не само по себе зрение, но суждение о зримом. Видимый образ не может быть ложным, точно так же как мышление о сущности вещи не может быть неистинным (ошибочным может оказаться лишь соотношение образа или сущности с неподходящей вещью), поэтому «видение того, что свойственно воспринимать зрению, всегда истинно» («О душе», 430 b 29–30).

Во-вторых, зрение, по Аристотелю, направлено на восприятие не столько формы, сколько цвета, который его предшественники считали вторичным качеством. Преимущество цвета как основного объекта зрения в том, что его действительность интеллектуально совпадает с восприятием и отличается от него лишь по сущности (см.: 426a 16–21), таким образом, снимается проблема субъективности зрительного восприятия.

Третье, и наиболее важное отличие аристотелевской теории зрения от эмпедокло-платоновской концепции, состоит в его решительном отказе от принципа познания подобного подобным и истолковании познания как претерпевания (*πάσχω*), изменения, обусловленного различием между средой и органом: «. . . так же нелепо, с одной стороны, утверждать, что подобное от подобного ничего не претерпевает, а

³Ср.: Государство, VI 520c–d; Тимей, 52b–c.

⁴Аристотель. О гадании по снам, 464a; см. также *Плутарх. Quaest. conv.* VIII 10, 2 p. 734f.

с другой, что подобное ощущается подобным и подобным познается. . . ощущение есть некоторое претерпевание и приведение в движение, точно так же как мышление и познание» (410a 23–26).

Тем не менее при детальном рассмотрении аристотелевской концепции зрения, при всей очевидности ее отличий от платоновской доктрины, легко заметить, что Аристотель в своих рассуждениях исходит из общих, фундаментальных для античной теории зрительного восприятия предпосылок⁵. Прозрачное (*διαφανής*) тело, которое, по Аристотелю, должно находиться между глазом и воспринимаемой вещью, так же как свет у Платона, является опосредующим звеном в отношении видящего к видимому. Более того, тьма и свет определяются через «прозрачное» («тьма есть возможность прозрачного, огонь же делает его действительным. . . свет есть энтелехия прозрачного»), точно так же как видение определяется через зрение («видение — энтелехия глаза, глаз — материя зрения») (412b). При определенных условиях прозрачная среда может стать зеркалом, отражающим исходящие из глаз зрительные лучи. В этом смысле весьма примечательна фраза «Сами по себе зеркала заслуживают внимательного изучения и исследования», которая непосредственно предшествует примеру с зеркалом, тускнеющим при взгляде на него женщины. Пример этот необходим Аристотелю, чтобы показать, что «не только зрительный луч претерпевает [действие] от воздуха, но и сам он, подобно блестящим [предметам], так же оказывает некоторое воздействие» («О сновидениях», II 459a1–3). В этом рассуждении наиболее отчетливо обнаруживается влияние платоновской теории зрения и сновидения, согласно которой видения во сне возникают в результате отражения на внутренней поверхности век исходящих из глаз лучей света⁶. Сомнения относительно подлинности данного фрагмента II главы, впервые высказанные В. Билем⁷ и разделяемые некоторыми современными комментаторами⁸, едва ли обоснованы, поскольку в аристотелевских текстах этого периода можно найти множество подобных примеров, которые с точки зрения экспериментального естествознания могли бы показаться наивными суевериями⁹.

⁵См.: *Маяцкий М.* Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии // *Логос*. 1995. № 6. С. 47–76.

⁶*Платон*. Тимей. 45с–46а.

⁷«В этом месте собственно философская аргументация прерывается ради сомнительного примера, что пристало бы скорее любителю парадоксов, нежели серьезному философу» (*Biehl W.* *Parva Naturalia*. Leipzig, 1898. P. 5).

⁸Напр.: *Wijsenbeek-Wijler H.* *Aristotle's concept of soul, sleep and dreaming*. Amsterdam, 1976. P. 219–221.

⁹См., напр.: *Метеорологика*, IV 373b.

О СНОВИДЕНИЯХ¹

Глава 1

В следующем [рассуждении] мы должны исследовать сновидения и, прежде всего, [выяснить] как они являются душе и претерпевает ли при этом воздействие мыслительная (νοητικῶν) или же ощущающая (αἰσθητικῶν) [часть души]², ибо в нас только они одни способствуют познанию. Если применение способности зрения есть видение, слуха — слышание, а чувственного восприятия в целом — ощущение; и если есть общие для всех чувств ощущения, например, фигура (σχήμα), величина, движение и прочие, а другие [ощущения], например, цвет, звук и вкус, обособлены; и, далее, если все животные во сне, когда глаза их закрыты, неспособны видеть, и то же самое относится к остальным чувствам (поскольку ясно, что мы ничего не ощущаем, когда спим), то очевидно, что сновидение не является чувственным восприятием.

Сновидение не [является] ощущением, но оно также не есть мнение. Ибо [во сне] мы не только можем судить о том, что нечто приближающееся к нам есть человек или конь, но и что это нечто выглядит белым или прекрасным, а без ощущения мнение об этом не могло бы быть верным или ошибочным. Очевидно, однако, что во сне душа производит такие утверждения: мы равно хорошо видим и то, что приближающаяся фигура является человеком, и то, что этот человек белый. Во сне мы думаем также о чем-то ином и большем, [помимо того], что нам [непосредственно] является, как во время прогулки, когда мы нечто воспринимаем, мы часто [не только нечто ощущаем], но и размышляем об ощущаемом. Так же и во сне иногда возникают иные мысли, а не только являющиеся уму образы (φαντάσματα). Это станет ясно, если кто-нибудь постарается вспомнить [то, что он испытал во сне] сразу после пробуждения. Такие же сновидения бывают, например, у тех, кто, согласно мнемоническим предписаниям (κατὰ τὸ μνημοτικὸν παράγγελμα) составляет в уме список являющихся во сне предметов. Ведь при этом занимаются чем-то иным помимо сна, а именно нахождением правильного места для образа (τὸν τόπον φαντάσματα) [в

¹Перевод выполнен по изданию: Parva Naturalia. Oxford, 1955. — Для сверки текста использовались также переводы Рене Мунье (*Aristote. Petits traités d'histoire naturelle. Texte établi et traduit par René Mugnier. Paris, 1965. P. 76–87*) и Дж. Бира (*The Complete Work of Aristotle / Ed. J. Barnes; Transl. by J. Beare. Vol. 1. Princeton, 1984. P. 729–735*).

²Аристотелевское учение о познавательных способностях и частях души изложено в III книге трактата «О душе» (433b 2–12).

мнемонической схеме]³. Поэтому ясно, что не каждое видение во сне является просто [чувственным] образом и что последующее суждение происходит благодаря мнению.

Очевидно также, что и во время прогулки случаются некие болезненные ощущения⁴, и то же самое может происходить во сне. Ведь даже и тем, кто пребывают в добром здравии и знают [об истинной величине] солнца, [оно] все равно кажется шириной в ступню⁵. Но при этом является ли способность души к воображению (*φανταστικόν*) той же самой, или же отличной от ощущающей (*αισθητικόν*) [способности]⁶; ведь образ не возникает без видения или [иного] ощущения чего-либо, и даже ошибочное видение или слышание могут произойти только у того, кто действительно нечто видит или слышит, хотя и не совсем 459a то, что он предполагает. Однако, согласно нашему предположению, во сне [человек] ничего не видит, ничего не слышит и не ощущает. Следовало бы считать справедливым [утверждение], что видящий сны не видит истинного, но нельзя [сказать], что ощущение при этом вовсе бездействует, поскольку зрение и другие чувства все же испытывают при этом воздействия, и каждое из этих воздействий, возникая так же, как и при бодрствовании, некоторым образом передается ощущению, хотя и не тем способом, [как во время бодрствования]. Кроме того, иногда мнению подсказывает [спящим], точно так же, как бодрствующим, что видимое [во сне] не подлинно; в других же случаях мнение воздерживается [от вынесения суждения], и попросту следует за являющимися образами. Поэтому ясно, что это состояние [*παρόξ*], называемое нами «сновидением», не есть ни мнение, ни разумение, но не является оно и обычным [*ἀπλόξ*] чувственным ощущением. [Ведь

³О мнемонических топах упоминается также в «Топике» (VIII 14, 163b–38–30).

⁴Болезненное состояние может быть причиной галлюцинаций, этот эффект подробно описан в «Метеорологике»: «Зрительный луч, видимо, отражается от всех гладких поверхностей, в том числе от воздуха и воды. От воздуха отражение... часто случается из-за слабости зрительного луча. Так, например, с человеком смутно и нечетко видящим случается временами, что когда он шел, ему казалось, будто перед ним все время идет обращенный к нему призрак... Зрительный луч из-за болезни настолько ослаб, что даже окружающий его воздух становился для него зеркалом и он не мог его отодвинуть» (IV 373b).

⁵Подразумевается известное высказывание Гераклита о размерах солнца «шириной в ступню» (3 DK); см. также: De anim, Г 3, 428b 2: «Чувственное восприятие иногда обманывает, даже если относительно предмета восприятия имеется истинное представление; как, например, солнце кажется величиной в ступню, хотя мы при этом уверены, что оно больше ойкумены»; ср.: Meteorolog, A 3, 339b 30.

⁶Этот вопрос подробно обсуждается в трактате «О душе». С одной стороны, Аристотель полагает, что «воображение не может быть ни мнением, которым сопровождается чувственное восприятие, ни мнением, основывающимся на чувственном восприятии, ни сочетанием мнения и чувственного восприятия» (428a 24–26); с другой стороны, «воображение... не может быть без ощущения, и не может быть у тех, кто не ощущает» (428b 14–16).

если бы оно было таковым, то было возможно] просто слышать или видеть [во сне]. Но как и каким образом происходит [видение снов] — вот что надлежит исследовать. Положим, уже достаточно ясно, что воздействие это, так же как и собственно сон, относится к чувственному восприятию [αἰσθητικῷ πάθος]. Ведь [дело обстоит не так, что] сон подчиняется одному [органу] животных, а сновидение — другому, но оба они относятся к одному.

Поскольку, как сказано в [трактате] «О Душе», воображение [относится] к той же [способности души], что и чувственное восприятие⁷, хотя [само по себе] воображение отличается от ощущения; и поскольку воображение есть некое движение, производимое действием восприятия (κατ' ἐνέργειαν αἰσθησεως); а сновидение, по-видимому, есть [результат] воображения; то из этого ясно, что сновидение есть некое [действие] восприятия, проявляющееся во сне.

Глава 2

Чтобы узнать, что же такое сновидения и каким образом они возникают, нам прежде всего следует рассмотреть сопровождающие сон обстоятельства. Чувственно-воспринимаемые [вещи], сообразно каждому из органов чувств, вызывают в нас ощущения, и производимое ими воздействие испытывается органами чувств не только когда [нечто] действительно воспринимается, но и тогда, когда [воспринимаемые предметы] отсутствуют⁸. То, что происходит в таких случаях, можно сравнить с движущимися частицами. Ведь движение их продолжается даже тогда, когда то, чем оно было вызвано, уже не соприкасается [с тем, что движется]. Ибо то, что привело [эти частицы] в движение, сдвигает некоторую часть воздуха, а та, в свою очередь, передает это движение другой части; и таким способом [тела] в воздухе или в воде двигаются до тех пор, пока не вернуться к спокойному [состоянию]. 459b

То же самое, как мы полагаем, происходит и при качественном изменении⁹; ибо та часть, которая нагрета чем-то горячим, [в свою очередь] нагревает ближайшее к ней, и так это воздействие передается

⁷О душе, Г 3, 427b 29—429a 1.

⁸Ср.: О душе, Г 2, 426a 15—18: «Так как действие ощущаемого и действие ощущающего суть одно действие, хотя бытие у них неодинаково, то слух и звук, взятые в смысле действия, необходимо исчезают или сохраняются одновременно [с исчезновением ощущаемого предмета]. . . и подобным же образом у остальных чувств. Если же брать их в смысле возможности, то не необходимо, чтобы они исчезли или сохранились вместе».

⁹В «Физике» (Н 2, 243a 36—38) Аристотель различает три вида движения: движение в отношении места (перемещение, *κίνησις*), в отношении качества (инаковение, *ἀλλοίωσις*) и количества.

далее, до тех пор, пока не вернется к своему началу¹⁰. То же самое по необходимости происходит и в том органе, который испытал действие восприятия, поскольку само ощущение есть некоторое изменение. Это объясняет, почему органами чувств (как в глубине, так и на поверхности) ощущается воздействие, не только когда они действительно испытывают восприятие, но и после того, как оно прекратилось. Очевидно, что это [происходит] в тех случаях, когда, испытывая некоторое ощущение, мы затем переносим (μεταφέρουτον) восприятие на [иной предмет], например, переводим взгляд с солнца в темноту; при этом сохраняется прежнее [ощущение], ибо в глазах еще продолжается движение от света [солнца]. Если же долгое время смотреть на один цвет, например, белый или зеленый, то, бросив взгляд на нечто иное, мы увидим его в том же цвете. И если посмотреть на солнце или другой сверкающий предмет, а затем отвернуться, то, присмотревшись, можно наблюдать как [этот предмет] появляется в направлении зрительного луча; сначала он имеет собственный цвет; затем становится малиновым, а затем багровым, до тех пор, пока не почернеет и не исчезнет. Точно так же [происходит тогда], когда отводят взгляд от движущихся предметов, например, рек (особенно от тех, которые текут очень быстро), и замечают, что покоящиеся [предметы] кажутся движущимися; после сильного грохота притупляется слух; а после крепкой вони теряется способность различать запахи¹¹.

Органы восприятия весьма чувствительны к малейшим качественным различиям [в предметах], об этом свидетельствует то, что случается с зеркалами (ἐπὶ τῶν ἐνὸπτρων); но и сами по себе [зеркала] заслуживают внимательного изучения и исследования. Вместе с тем, из этого [примера с зеркалами] ясно, что подобно тому как зрительный луч (ἡ ὀψίς) испытывает воздействие [от видимого предмета], так же и сам он оказывает некоторое воздействие. Если женщина во время менструального периода взглянет на хорошо отполированное зеркало, то на его зеркальной поверхности появляется кровавое облачко¹². Весьма трудно стереть это пятно с нового зеркала, но со старого [зеркала удалить его] легче. Причина этого в том, что не только зрительный

460a

¹⁰Ср.: Физика, Н 2, 244a 5—244b 15.

¹¹«... Всякая чрезмерность расстраивает слух — чрезмерность и высоких и низких звуков; точно так же как чрезмерность во вкусовых свойствах расстраивает вкус, и слишком яркое или слишком темное в цветах действует на зрение разрушительно, и обоняние — сильный запах, будь он сладким или горьким, — все это потому, что всякое ощущение есть определенное соотношение» (О душе, Г 2, 426a30—426b3).

¹²В этом фрагменте для обозначения зеркала используются различные наименования, в зависимости от того, имеется ли в виду созерцание образа в зеркале (εἰς τὸ κατόπτρον), или же воздействие, оказываемое зрительным лучом на зеркальную поверхность (τὸ ἐπιπολῆς τοῦ ἐνὸπτρου).

луч претерпевает [действие] от воздуха, но и сам он, подобно блестящим [предметам], так же оказывает некоторое [воздействие]. Ибо и зрительный луч обладает сиянием и цветом. Поэтому глаза, подобно другим телесным органам, сами производят присущее им действие. Поскольку глаза по природе своей наполнены сосудами, при истечении и воспалении глаза женщины изменяются, но [для нас это изменение остается] незаметным, ведь природа семени и менструального истечения одна и та же. Воздух, посредством которого движется [зрение], и воздух перед зеркалом претерпевает те же изменения [как и глаза женщины], и оказывает такое же воздействие на зеркало. Но, как одежда пачкается быстрее, чем отчищается, [точно так же и с зеркалом]. Ведь на всем чистом легко заметить пятно, а на чистейшем [предмете] заметно малейшее пятнышко. Бронзовое [зеркало], по причине его блеска, весьма чувствительно к малейшему воздействию (ибо движение воздуха действует подобно натиранию или придавливанию¹³); и на чистой [поверхности зеркала] заметен след от легчайшего прикосновения. Трудно удалить загрязнение с нового зеркала, ибо по причине его чистоты и гладкости [пятно] распространяется по всей [поверхности], поскольку [зеркало] гладкое; и проникает вглубь, поскольку [поверхность его] чиста. Если же зеркало старое, то пятен не остается, ибо они не проникают глубоко, а только загрязняют лишь поверхность.

Из этого ясно, что даже малейшие различия [в предметах] производят движения, легко воспринимаемые органами чувств; и что воспринимающий цвет орган не только претерпевает [воздействие от предмета], но и оказывает на него ответное действие. Об этом свидетельствует и то, что происходит с вином или при производстве ароматических масел. Ведь замечено, что приготовленные масло или вино легко перебирают запах тех предметов, рядом с которыми они находятся; они не только приобретают запах предметов, которые погружены в них или смешаны с ними, но также и [запах] тех предметов, которые помещены или произрастают рядом с сосудами, в которых они содержатся.

На основании первоначального рассмотрения (ἐξ ἀρχῆς σκέψιν) предположим, что, как уже ясно из сказанного, ощущения сохраняются даже тогда, когда [внешнее] восприятие отсутствует. К тому же мы легко обманываемся относительно [собственных] чувственных восприятий в страстных состояниях (ἐν τοῖς πάθεσιν ὄντες), [причем] различные [люди обманываются] из-за различных [страстей]: трусливый — из-за страха, влюбленный — из-за любовного желания; поэтому, основываясь на незначительном сходстве, один мнит, будто видит врага, а другой — предмет своего желания; и чем сильнее страсть, тем меньшим является это сходство. Точно так же в страстных влечениях (ἐν

¹³ τριψις — букв. «трение при соприкосновении с предметом».

ὄρῳαῖς) и при любых вожделениях (ἐπιθυμίας) все [люди] легко обманываются, причем в тем большей степени, чем в большем возбуждении они находятся. Вот почему при лихорадке иногда мерещатся некие животные на стенах, это случается из-за того, что узоры (ὑραμῶν) [на стене], сливаясь вместе, отдаленно напоминают [этих животных]; и это иногда совпадает с претерпеваемым [больными] страданием, поскольку, если болезнь не слишком сильна, обман не остается не замеченным; если же страдание (πάθος) оказывается более сильным, то оно увлекает за собой [воображение больного]. Причина же в том, что та способность, благодаря которой утверждаются суждения, отличается от той [способности], которая производит видимые образы (φαντάσματα). Свидетельством тому является и то, что солнце кажется диаметром со стопу, хотя нечто иное часто противоречит этому представлению. И то, что [находится] между скрещенными пальцами, [на ощупь] кажется двумя, однако двумя не является; ибо зрение заслуживает большего доверия, чем прикосновение. Если же пользоваться одним осязанием, следовало бы считать одно — двумя. Причиной этих ошибочных суждений является то, что ощущения возникают не только тогда, когда нечто приводит чувство в движение; но и тогда, когда чувство движется само по себе, если оно движется точно так же, как при [внешнем] воздействии. Например, для плывущих на корабле берег мнится движущимся, хотя на самом деле сам глаз [перемещается относительно берега].

Глава 3

Из этого ясно, что движения, проникающие [извне] сквозь отверстия к органам чувств или же возникающие внутри тела, воспринимаются не только при бодрствовании, но оказывают еще более сильное воздействие в том состоянии (τό πάθος), которое называется сном. Ибо днем, когда [эти движения] сдерживаются чувственными ощущениями и рассудком, они незаметны, точно так же как за большим огнем [не виден] слабый [огонь], или как незначительные страдания и наслаждения [незаметны] из-за сильных, но как только [сильные впечатления] исчезают, проявляются¹⁴ меньшие. Ночью же, вследствие бездействия¹⁵

461a

¹⁴Незначительные страдания и наслаждения «выходят на поверхность» (ἐπιπολάζει), когда исчезают более сильные впечатления.

¹⁵Платон также считал бездействие обычного зрения необходимым условием сна: «Зрение бездействует и тем самым наводит сон. Дело в том, что когда мы, при помощи устроенных богами природных укрытий для глаз, запираем внутри себя силу огня, последняя рассеивает и уравнивает внутренние движения, отчего приходит покой. Если покой достаточно глубок, то сон почти не нарушается грезами, но если внутри остались еще сильные движения, то они, сообразно своей природе и месту, порождают соответствующие по свойствам и числу изображения

некоторых органов чувств или их неспособности проявить себя, тепло перетекает из внешних во внутренние [части тела], и [эти движения] передаются главным началам (τὴν ἀρχὴν τῆς ἀρχῆς) [чувственного восприятия], и там являют себя посредством возмущения успокоенного [движения]. Необходимо предположить, что, подобно возникающим в реках маленьким водоворотам, каждое из чувственных движений оказывается неким постоянным сцеплением [различных движений], часто сохраняющими подобие [первоначальной формы], но так же часто разбивающимися при столкновении с препятствиями. Поэтому не происходит сновидений сразу после [принятия] пищи и у совсем юных детей, ибо [у них] эти движения избыточны вследствие [выделяемого] пищей тепла. Нечто подобное происходит с жидкостью: если ее сильно взболтать, то она не отражает никакого образа (εἶδωλον), хотя иной раз [на ее поверхности] появляется некий [образ], но настолько искаженный, что он кажется вовсе непохожим [на оригинал]; когда же это движение успокаивается, [отраженный образ] чист и ясен; так же и во время сна видения (τὰ φαντάσματα) или незавершенные движения, возникшие при бодрствовании, иногда совсем незаметны; или же зрению являются беспорядочные и удивительные [образы] сновидений, как [это случается] у страдающих от меланхолии или лихорадки, а также у опьяненных вином.

Причиной всех подобных претерпеваний (πάθη), происходящих в душе, являются совместное движение и возмущение. У теплокровных [животных], по мере того как кровь успокаивается, а чистые элементы отделяются от менее чистых, эти движения, вызываемые впечатлениями, [происходящими] от каждого из органов чувств, сохраняют связность, поэтому и сновидения становятся более ясными и узнаваемыми, ибо благодаря воздействиям, истекающим из органа зрения, [нечто выглядит] действительно видимым, а благодаря [воздействиям], приходящим от органа слуха, [нечто кажется] слышимым; и также [происходит] [с воздействиями] от остальных органов чувств. Это происходит благодаря тому, что движение, достигающее первого органа чувств, исходит из него, и даже после пробуждения кажется, что нечто было видимо или слышимо, или воспринимается как-нибудь иначе; точно так же, если нам кажется, что орган зрения был чем-то возбужден (хотя в действительности на него не оказывалось никакого воздействия), мы по ошибке утверждаем, что нечто видим, или же, когда прикосновение производит два движения, мы думаем, что [держим] два предмета. Ибо главенствующее (κυριωτέρα) [чувство] обычно подтверждает свидетельство каждого из чувств в том случае, если какое-нибудь иное

(φαντάσματα), отражающиеся внутри нас и всплывающие после пробуждения как совершившиеся вне нас» (Тимей, 45d–46a).

отдельное чувство, более надежное, не предоставляет противоположного свидетельства¹⁶. Все является как некая видимость (*φαῖνόμενον*), но не всегда [являющееся] мнится реальным, но тогда только, когда способность суждения пребывает в подавленном состоянии, или же приведена в движение соответствующим [внешним] воздействием. Более того, различные люди, как уже было сказано, подвержены иллюзиям, и каждый — под действием особых, свойственных ему страстей, поэтому движения, происходящие во сне в органах чувств и сопровождающие их ощущения, порождают сновидения, которые кажутся чем-то [реальным], но обладают лишь незначительным подобием [с реально существующим]. Ибо во время сна, по мере того как кровь уходит к своему источнику [сердцу], это сопровождается внутренними движениями, одними — в воображении, другими же — в действительности. Происходит так, что если нечто движет кровь, то это производит некоторое движение, а если [это движение] затихнет, то возникнет иное; ибо они связаны друг с другом подобно лягушкам на воде, которые по очереди всплывают на поверхность, по мере того как растворяется соль, [удерживающая их внизу]. Точно так же незавершенные движения: в своей возможности они пребывают в душе, но становятся действительными только тогда, когда исчезают препятствия к их движению; и по мере своего высвобождения они начинают двигаться в крови, которая остается в органах чувств, но которой теперь недостаточно [для их сдерживания]. Они обладают неким сходством [с различными предметами], подобно облакам, которых сравнивают то с людьми, то с кентаврами, вследствие быстрого преобразования [их формы]. Однако каждое [из этих движений], как было сказано, является лишь остатком чувственного впечатления, некогда произведенного действительным ощущением; а когда это настоящее впечатление исчезло, его след по-прежнему сохраняется, и о нем можно сказать, что хоть это и не Кориск, но все же похоже на Кориска¹⁷. Ибо когда человек действительно нечто воспринимает, главенствующая и выносящая суждения способность не назовет это [чувство] Кориском, но, побуждаемая этим [чувственным впечатлением] признает его [соответствующим настоящему Кориску]. Поэтому-то чувственное воздействие, которое, будучи действительно воспринимаемым, признается истинным (если только способность суждения не совсем подавлена движением крови), возникает от движений сохранившихся в органах чувств и воспринимается

¹⁶Наиболее надежным из чувств, согласно Аристотелю, является зрение (см., напр.: *Метафизика*, 980a 21–30), ибо оно способно скорректировать иллюзии, в которые впадают другие чувства. Пример с зажатым между скрещенными пальцами предметом Аристотель использует также в «Никомаховой Этике» (1011a 29–30).

¹⁷Имя Кориск (*Κορίσκος*) для обозначения вымышленного лица Аристотель использует также в *Eudem. Eth.*, 1220a 19 и 1240b 25.

как нечто подобное настоящему впечатлению, но вследствие сна эта [ошибка] остается незамеченной. То же самое произойдет, если перед глазами незаметно поставить палец: один предмет не только будет казаться двумя, но и создастся мнение о двух предметах; но если [палец] будет замечен, восприятие останется тем же, но мнение о нем окажется иным. Так же происходит и во сне: если спящий понимает, что спит, и [сознает] состояние (πάθος), в котором восприятия являются его уму, то нечто в нем самом говорит об этом: «Мне является [образ] Кориска, но не сам Кориск»; ибо часто спящий говорит в душе, что являющееся ему есть лишь сновидение; если же он не осознает, что спит, то ничего не противоречит его фантазии. 462a

Любой может убедиться в том, что сказанное — истинно (что в органах чувств присутствуют некие воображающие (φανταστικά) движения), если попытается вспомнить те впечатления, которые возникают при погружении в дрему или при пробуждении. Иногда, в момент пробуждения, он удивляется тем образам (εἶδωλα), которые являлись ему во сне, и обнаруживает, что в действительности они суть движения, тающиеся в органах чувств. Кроме того, некоторые дети в темноте даже с открытыми глазами видят множество движущихся пред ними прозрачных образов, и часто от этого испытывают страх. Из всего этого следует сделать вывод, что сновидение есть некий возникающий во сне фантазм; поскольку только что упомянутые образы (εἶδωλα) не являются ни сновидениями, ни какими-либо видениями, являющими себя, когда чувственные восприятия отсутствуют. Ведь не каждый фантазм во сне является сновидением. Ибо, во-первых, некоторые [во сне] действительно некоторым образом воспринимают звуки, свет, запах и прикосновение; однако [видят и слышат их] неясно и отдаленно. И бывали случаи, когда во сне, сквозь приоткрытые глаза, смутно видят (как полагают сами спящие) свет лампы, а проснувшись, сразу же узнают [в нем] свет от настоящей лампы; в других случаях [спящие] смутно слышат петушиный крик или собачий лай, каковые [звуки] они действительно обнаруживают сразу же после пробуждения. Некоторые также отвечают во сне на задаваемые им вопросы. Ибо вполне возможно, что во сне или бодрствовании, пока что-либо представляется обычным (ἀπλῶς) [ощущением], все остальное также должно казаться таким же [обычным восприятием]. Но ни один из этих случаев не может быть назван сновидением. И верные мысли (ἀληθεῖς ἔννοιαι), в отличие от фантазмов, также [не следует считать сновидениями]. [Ибо сновидение] есть фантазм, возникающий во сне при движении чувственных впечатлений; ведь сновидения суть сны¹⁸.

¹⁸Перевод этой фразы неизбежно оказывается тавтологией, которая отсутствует в оригинальном тексте, поскольку древнегреческое «сон» (ἐνύπνιον) этимологиче-

Случается, что в течение всей жизни никогда не видят снов, другие же [начинают видеть сны] лишь в преклонном возрасте, никогда не видев их прежде. Отсутствие снов может быть вызвано тем же, что происходит с детьми или же [тем, что случается] сразу после еды. Ясно, что сновидения редко бывают у тех, чье естественное устройство таково, что наполняющие их обильные испарения (ἀναθυμίασει) поднимаются вверх и, опускаясь вниз, производят множество движений, которые не способствуют появлению фантазмов. Потому не удивительно, что с возрастом им должно являться больше сновидений, ибо, по мере старения, их состояние (πάθος) по необходимости изменяется к противоположному¹⁹.

462b

ГЕРАКЛЕОН

ФРАГМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА*

Перевод и научный комментарий Е. В. Афонасина

Об обстоятельствах жизни Гераклеона мы ничего не знаем. О том, что Гераклеон был личным учеником знаменитого гностика Валентина, говорит только Ориген (Comm. in Joh., II 14, 100 = fr. 1 Völker), однако и он вовсе не уверен в этом. Климент Александрийский (Strom. IV 71, 1) сообщает лишь, что Гераклеон был наиболее значимым представителем «школы» Валентина¹. Как бы там ни было, Гераклеон мог преподавать в Риме около 170 г. (а его ученики были известны в Александрии во времена Оригена). Бесспорно, что ему принадлежит первый в истории комментарий на *Евангелие от Иоанна*, который, как отмечают исследователи, вполне соответствовал стандартам, предъявляемым к экзегетическим работам подобного рода². Качество комментария признает даже его противник. Сохранившиеся фрагменты показывают, что комментарий следовал за текстом «слово в слово», объясняя как религиозно-философский, так и филологический смысл отдельных выражений. Не очень понятно, однако, почему Ориген называет эту работу «заметки» (ὀλιονήματα). Если это сообщение принимать в буквальном смысле

ски не связано с глаголом «спать» (καθεύδω); ср. англ. «a dream» и «to sleep».

¹⁹Смысл этого предложения не вполне ясен. По-видимому, заключительную фразу следует понимать так: для сна необходимо успокоение эмоций, т. е. достижение противоположного (ἐναντίος) беспокойству психосоматического состояния, свойственного пожилым людям. Вместе с тем это высказывание Аристотеля можно истолковать в контексте платоновской зеркальной аналогии между сном и бодрствованием: «одно повторяет другое, как антистрофа строфу» (Тезтет 158с).

¹У Иринея (Adv. Haer., II 4,1) он упомянут вместе с Птолемеем; Тертуллиан (Adv. Val., 4) говорит, что он, вместе с Секундом и Марком, пошел дальше Птолемея; Ипполит (Ref., VI 35,6) говорит, что вместе с Птолемеем он был главным представителем «италийской школы» Валентина; Феодорит Киррский (Haer., I, 8) также упоминает его среди других валентиниан.

²См.: Pagels E. The Johannine Gospel in Gnostic Exegesis: Heracleon's Commentary on John. Atlanta, 1989.

* Работа выполнена в рамках исследования по истории гностицизма при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-03-00612а

© Е. В. Афонасин, пер., комм., 2005